

Павел Шаров

Родился в 1972 году в Саратове. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Волга», «Сибирские огни», «Северная Аврора», «Дети Ра», «Звезда», «Плавучий Мост», «День и ночь», «Нижний Новгород», «Литературной Газете» и других изданиях. Член Союза писателей России. Живет в Саратове.

Роза за шкафом

1

У меня есть роза за шкафом —
нагая,
стоит на коленях.
Безразлично ей — будь я хоть графом
во многих — уходящих в глубь веков — поколениях,
хоть одноногим,
бредущим вечерним городом,
инвалидом с простуженным горлом,
распахнутым воротом, —
одной рукой он упёрся в костыль,
другую — подносит ко рту бутылку.

2

...а я не могу быть даже графином
для её волос — то огненно-рыжих,
то русалочьих, сине-зелёных —
прямо во-до-рос-лей!
Быть мне отцом ей,
и мужем,
и сыном.
Вдыхать её запах — сердцем мудреть,
душой становится взрослей.

3

Но грустно — приткнулась в углу гитара, —
забыта, как ненужная вроде вещь.
Стоит лишь захотеть —
будет плясать гитана!
Зазывать русалка...
Роза за шкафом нагая —
это Благая весть!

4

Она умирает.
Она не в обиде. Не в укоризне. Боль же —
это ты, гиблая слобода Воронья.
Только посмей-ка тронь! Я
подпущу петуха — не задушишь и Волгой!
Чем меньше в ней жизни, тем больше
к ней меня манит. К ней!
Роза за шкафом нагая
будет живой,
а к тому, кто не глянется, — колкой.
Это душа моя в мороке дней.

***

О смерти, одиночестве, любви
слова твои, мой визави, —
хореем или ямбом,
но с вечным лунным штампом.

Луна — в затылок. В белый лист
глядишь, и сотни чёрных лиц,
за день прошедших мимо,
взрывают мозг, как мина.

Ты человек! Скажи, как встарь:
я червь — я Бог — я раб — я царь,
не ангел и не даймон —
навек слово дай мне!

И на весах небесных взвесь,
как *хлеб насущный даждь нам днесь*,
твой морок или амок —
мираж, воздушный замок,

и всё начни ab ovo —
в начале было Слово.

Петух зари осип, прокукарекав
начало дня. И орды человек
впряглись в хомут — вращать земную ось.
Заковыляло Время вкривь и вкось.

Не первородный — постиндустриальный
повсюду Хаос. Человек печальный
глядит вокруг: на всём Абсурда тень,
нет больше смысла, веры в Судный День.

Наука начертала на надгробье:
«Ты, человек, не образ, не подобье.
Знай, человек, твой родственник — примат».
...Так, значит, нам теперь сам чёрт не брат!

Я в зеркало гляжу на образину —
себе противен, Богу, Духу, Сыну.
Наука доказала: я — запчасть.
Моя задача в том, чтобы совпасть

с другой запчастью. Человек — лишь винтик
в бездушном механизме. Этот выньте,
другой воткните — вот и все дела!
А сломанные винтики-тела

предать земле, а лучше — в крематорий.
Живёшь покамест, но MEMENTO MORI,
а плоть твою червям перемолоть.
Но я не примирюсь. Со мной Господь.

***

Где речь, исполненная смысла?
Ты слышишь, пауза повисла.
Что это? Ангел пролетел?
А может, Время на закланье
ведут — и вот оно, молчанье
ягнят, и судороги тел

предсмертные — а как иначе?
Зайдёшься в крике или плаче —
не страшно, страшно если рот
твой запечатан немотою, —
спросив себя: «Чего я стою?», —
мычишь, как бессловесный скот.

И крик твой нем — зияет вон как
твой рот, как чёрная воронка, —
она засасывает речь.
Так мир, вдруг ставший бессловесным,
теряет связь с Отцом Небесным,
и Слова нам не уберечь.

***

Если я настоящий, то всё ж не индеец.
Я не ведаю, сколько мне лун, а высчитывать — лень.
Но пока я живу — я надеюсь
и с утра говорю «добрый день».

Где здесь логика? Выйду на улицу, гляну —
составлю депешу:
день недобрый, но ради него этот гимн.
Перед коброй аптечной опешу —
где достать ностальгин?

Сколько лун, сколько лет, сколько зим, сколько вёсен —
не считаю, одно лишь приходит на ум,
что всю жизнь я плутал меж трёх сосен,
окликаая: «Ау!»

Но в ответ не дождался ни звука. В индейцев
мы играли в «Лесном», когда были детьми.
Жить — живи, а надеяться — нет, не надейся.
Ты последний, пойми.

Таращится с востока бельмом луна-глазунья.
Обманчиво притихнув на время полнолуныя,
спит город в котловине, как будто зверь в берлоге.
Пусть джунгли из бетона — всё те же бандерлоги:
болтливы и хвастливы, трусливы и безмозглы.
Разбушевался ветер, холодный и промозглый,
страх задувает в души, и снов-фантазмагорий
не избежать двуногим, чьи окна от бегоний
слепы не только ночью — они слепы при свете.
Жильцы в своих кроватях беспомощны, как дети,
которых мы прощаем, сперва поставив в угол.
С них взятки, в общем, гладки. От огородных пугал
гораздо больше толка, а эта биомасса
годится лишь на то, чтоб нарастало мясо
у Бизнеса, чтоб стал он миллионотонным,
людские поколения лишь офисным планктоном
обречены служить... Луна, как Жёлтый дьявол,
ныряет в облаках. Я вместе с нею плавал,
когда пшеничным соком был мозг мой ошарашен,
и лучше б захлебнулся: подлунный мир так страшен,
и некуда бежать ни днём, ни тёмной ночью,
поскольку жизнь твоя сведётся к многоточью
из дней, цена которым — билетик на автобус.
Ну вот и остановка, да только шарик-глобус
нельзя остановить, пойти стезёю Млечной.
Поэтому придётся доехать до конечной.

...Ты въехал в этот город тем Воскресеньем вербным,
встречали как Царя, хотел быть каждый верным,
и каждым был Ты предан. Страстная ждёт седмица.
Дай в Царствии Твоем мне сил не усомниться.

Крестовина окна — опорой
для души: она там, за шторой,
где украшена звёздной ризой
ночь,
под выпуклой лунной линзой
видит тело сквозь бельма-стёкла.
А в табачной завесе сизой
хоть топор, а хоть меч Дамокла
ты повесь, а хоть грех Адамов —
всё обрушится, и в нокдаун
разом выпадет шаткий разум,
а душа — она лунным тазом
вмиг накроется, если к раме
не прильнёшь, — и в могильной яме
тьмы,
набитый по горло скорбью,
ты — по Образу и Подобью.

...Говоришь, ты за душу спокоен?
Эта жизнь нам не школой — но схойлой.
Ты представь хоть на миг, что ты — полый,
и неровен
час — попрёт пустота наружу!
Где ты видел бессмертную душу?!

...Вон с лицом, как с разбитым корытом,
сникший с горя, с крылом перебитым
ковыляет хранитель-ангел,
и ко дну идёт жизни танкер —
под завязку в нём кровной нефти
дней — гореть им в утробе смерти.
Почерк жизни сбивается в прочерк

и в пробел. Бьётся сердца комочек —
ан споткнется, гляди. Вот так-то!
Но в атаку ты против танка
смерти, жизни держа трёхлинейку,
в полный рост пойдёшь, эх, Емелька!
Хоть и гол король — да ты скроен
ладно сам, крепко сшит на вырост,
а неровен час — будь спокоен:
Бог, Он стреляный, Он не выдаст.

***

Представляешь, какая штука —
где-то там, за километры отсюда,
я хочу услышать твой голос. И разве это не чудо,
если ты мне скажешь: «А ну-ка
хватит, кончай хандрить, наша песенка далеко не спета,
вот пройдёт зима, и настанет март, а потом апрель,
а затем подспеют майские».

«Майские» — это звучит. Это как «кущи райские».

А потом, наконец, и лето —
благословенное лето, поедем рыбачить, и, ей-же-ей,
натаскаем уйму мы окуней,

и огромная щука — она от нас
не уйдёт. Знаешь, лето — это как в первый раз.

Первый День Творения, счастьем воздух
весь пронизан, на новых, только что сотворённых

звёздах

разливается Свет, отделённый от Тьмы.

А свидетели — только мы.

Представляешь, какая штука —
где-то там, за километры отсюда
в камышах стоит огромная щука.

Разве это уже не чудо?

Город. Оголтелые районы —
страшной, но привычную картиной.
Сотовые телефоны
оплели незримой паутиной
каждого в отдельности
и скопом
всех: что, твари, некуда вам деться?!
Жизнь — и в этом мире, и за гробом —
от и до расписанное действие.
От и до: проснулся, выпил кофе,
поспешил на службу... сбой в программе? —
съел таблетку... в голове, как в кофре,
упакован бред — мы в общей яме,
нам не выбраться, мы все попали в базу
данных, и теперь Компьютер
правит миром. Это Высший Разум.
А людская масса — это студень.
Это лишь марионетки, коих
города паук за улиц нити
дёргает, — какой забавный комикс!
И бессмысленно кривится диск в зените.
Пусть душа, как сивая кобыла,
бредит, заблудившись в нетях ночи,
пусть уже не вспомнить то, что было, —
то, что будет, помню я, как «Отче
наш». И оголтелые районы
для меня родные палестины —
здесь, под вой «Гражданской Обороны»,
в ненависти нашей мы едины.

***

Луна-осётр идёт на нерест.
Над головою листьев шелест.
И ночь светла, и над рекой
какой-то неземной покой.

Как будто нет войны. Как будто
нас встретит радостное утро
и пышный август, звездопад.
А ты? Ты этому не рад.

В душе покоя нет в помине.
Тоска о долгожданном мире,
но к миру путь — через войну.
А что ты чувствуешь? Вину.

Твой стол накрыт не под обстрелом,
и воздух не чадит горелым,
но Юго-Запад весь в огне.
Нам оставаться в стороне

никак нельзя, нет крайней хаты,
мы по рождению — солдаты.
...Луна-осётр, и плеск волны...
И кажется, что нет войны.